

Гартмут Рюс
Мюнстерский университет
Мюнстер, Германия

**ЕКАТЕРИНБУРГ 1992 г. ГЛАЗАМИ НЕМЦА
(ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ)**

В публикации представлены дневниковые записи профессора Мюнстерского университета, на протяжении 1990–2000-х гг. семь раз приезжавшего в Екатеринбург в рамках научно-культурных мероприятий. Он описывает впечатление, которое произвели на него город, уральская природа и, разумеется, местные жители. В ходе своих визитов ему удалось установить прочные научные и дружеские связи с коллегами из Уральского государственного университета, в первую очередь, с Н. Н. Барановым.

Ключевые слова: мемуары, Екатеринбург, Урал, русско-немецкие связи, Уральский государственный университет

Профессиональный интерес к истории России в целом и Урала в частности сформировался у Гартмута Рюса во время обучения в Гамбургском университете под руководством проф. Пауля Йогансена – основателя и первого директора отделения (позднее – института) финноугристики и уралистики. Докторскую диссертацию Г. Рюс защитил в Мюнстере под руководством известного специалиста по истории средневековой Восточной Европы Манфреда Хельмана. Рюс – автор трех монографических исследований «Дворянство и дворянская оппозиция в Московском государстве (XIV–XVI вв.)», «Киевская империя», «Господа и слуги. Политический и социальный менталитет русского дворянства IX–XVII вв.» [Rüß, 1975, 1981, 1994]. Последняя приобрела широкую международную известность и позволила Г. Рюсу стать одним из ведущих русистов Германии. В 2001–2002 гг. он возглавлял кафедру восточноевропейской истории в берлинском университете им. бр. Гумбольдтов. Многолетнее и плодотворное сотрудничество Рюса с историками Уральского университета началось в 1992 г., когда он в составе делегации немецких преподавателей оказался в Екатеринбурге и по собственной инициативе посетил исторический факультет. Дневниковые записи этого визита в Екатеринбург представлены в данной публикации. В 1999 г. он стал соорганизатором международной научной

конференции «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.» в Екатеринбурге, принимал активное участие в подготовке сборника материалов этой конференции «Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.)» [Немцы на Урале]. В 2008 г. Рюс стал участником юбилейной научной конференции «Россия и мир: панорама исторического развития», посвященной 70-летию исторического факультета УрГУ. С этого же года и по сей день он является членом редакционного совета журнала «Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки». В 2014 г. Рюс участвовал в международной программе-семинаре «Екатеринбург – пространство возможностей: проблемы и перспективы современной международной исторической русистики в российских регионах». В 2015 г. он выступил на международной научной конференции «70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности» с пленарным докладом «8–9 мая 1945 г. и длинная тень войны». Рюс является автором многочисленных научных публикаций (статей и научных рецензий) в журналах «Известия УрФУ» и «Quaestio Rossica». Перевод дневниковых записей на русский язык и примечания подготовлены Н. Н. Барановым. Текст публикуется впервые.

Екатеринбург, 1992 г.

Мы были группой преподавателей русского языка и литературы из федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия, которая приняла приглашение из Екатеринбурга. Город незадолго до этого был «избавлен» от своего советского наименования Свердловск при незначительном большинстве голосов депутатов. Две наши коллеги незадолго до этого отказались от участия в поездке, после того как они узнали, что эта область, возможно, заражена радиацией из-за случившейся два года назад аварии на атомном реакторе в Челябинске¹³. Таким образом, мы принимали поездку, возможно, сокращающую нашу жизнь.

В широкофюзеляжном самолете Илюшина, летевшем из Москвы в Екатеринбург, сидела также группа немецких юристов, которые были приглашены в столицу Урала как специалисты и советники в процессе предстоящей приватизации. Для местных властей они уж точно были более перспективные гости с капиталистического Запада. По прибытии поздним вечером екатеринбургское Кольцово производит на нас впечатление малопривлекательного заброшенного советского

¹³ Имеется в виду авария на атомном реакторе в г. Озерск Челябинской области.

провинциального аэропорта. Местные пассажиры тащат огромную поклажу прямо сибирских размеров – чемоданы, полностью завернутые в бумагу, по сравнению с ними наш даже самый большой багаж выглядит довольно щедрым и почти декадентским.

Когда мы в полчетвертого утра прибыли в расположенное в лесу место нашего ночлега – спортивный отель (база «Биатлон»), мы обнаруживаем большой накрытый стол с большим количеством водки, которую некоторые мужчины нашей группы, уже зараженные русской культурной «бациллой», тут же принимают энергично употреблять. Наш «домовой», как он сам себя называет, отвечает за все хорошее и плохое, что может случиться с группой, является директором школы и отставным полковником Советской армии. Со своим крайне сдержанным юмором он оказывается хорошим организатором. Он гордился своим уральским происхождением. С тонкой иронией он объясняет происхождение своего имени Генрих тем, что в 1937 г., когда он родился, немецкие имена были «очень в моде».

Когда я поутру смотрю в свое окно, мне в глаза бросаются невероятная белизна берез и свежеевыпавшего снега. Моя комната – линолеум на полу, стены покрашены туалетной зеленой краской, облупившиеся кусочки известки на потолке, водопроводная труба, торчащая из коричневой дыры над раковиной, две голые лампочки и вырезанные ножом на мебели имена – имеет в своем беспредельном безобразии своего рода стиль. Тем ни менее, здесь уютно и тепло, и вид из необычайно большого окна был просто фантастический. На обед – борщ, потом мясное блюдо и теплые булочки. И наконец чай, который Генрих наливал лично и комментирует это все словами: «это не еда, это искусство».

Бетонные кварталы городских окраин точно так же уродливы, как и везде, но это унылое впечатление смягчается окружающими лесами. В Екатеринбурге много зелени. На некоторых улицах до сих пор стоят великолепные деревянные дома, украшенные искусной резьбой. По образцу этих деревянных построек создавалась архитектура некоторых каменных купеческих домов начала XX в. Богатое купечество XIX в. в архитектурном отношении склонялось к эклектике элементов западного и восточного стилей. Ранее жители столицы Урала, чья предпринимательская элита, начиная с момента основания города в 1723 г., получала доход в основном с производства металла, назывались «екатеринбургжуи». Жены богатых купцов, рассказывает Генрих, носили платья, сшитые в Париже. При этом уральцы были «пионерами», «трудолюбивыми» и «надежными», можно сказать, «американцами России».

И, саркастически характеризуя дух нового времени, он утверждает: «человек – это тот, у кого есть деньги, все остальные – людишки».

Уровень рождаемости, по его мнению, здесь приблизительно такой же высокий, как уровень образования. Здесь растет все, кроме бананов и лимонов, рассказывает он. Только зимой доставляет проблему масса снега, и температуры бывают ниже минус 40 градусов. Генрих утверждал, что знает не менее тридцати советских городов, но «Екатеринбург – самый красивый». «Только это чуть-чуть субъективно», – добавляет он, подмигивая.

Идет снег. Я в поисках перчаток и меховой шапки. Вместо этого некто на улице предлагает мне с заговорщическим выражением лица картину неизвестного голландского художника XVI или XVII в., «якобы трофей красноармейца», за какие-то 500 марок. Картина («человек с лютней») выглядит на самом деле чертовски правдоподобной.

Кто-то из группы делает снимок, который он называет «временем перелома». На вывеске, помещенной на большом здании, огромными буквами написано «Великий Свердловск – город родной культуры», напротив на проспекте Ленина на открытом месте на мосту через реку Исеть современная реклама «Рабыни секса – девочки из Сен-Тропе». На стене одного из домов я обнаруживаю надпись: «Ельцин – прихвостень мирового масонства».

Мы посещаем школу № 37, чей педагогический коллектив состоит из одного директора мужчины и всех остальных женщин-учительниц, которых отличают ярко накрашенные губы и нарядные костюмы, что удивительно при их постыдно низкой зарплате! Ведь хорошая обувь стоит почти в три раза больше их месячного заработка. Политическая идеология теперь отошла в прошлое. Она – в ауте. Воспитание сейчас идет на основе общечеловеческих ценностей, объясняют нам сопровождающие женщины-педагоги высшей школы. Когда Генрих обращается к нашей группе, он обычно начинает с приветствия «Уважаемые дамы и люди!» (*Liebe Damen und Menschen!*), имея в виду, что слово *чоловік* означает по-украински «мужчина». Само собой разумеется, что далеко не все женщины в нашей группе находят это лингвистическое выражение забавным. И даже мне не вполне понятно, как много русского «матчи́зма» скрывается в этой многократно повторяемой юмореске.

В историко-политическом музее миловидная и литературно образованная экскурсовод, которая не признает название Свердловск и относится к своему делу с полной самоотдачей, знакомит нас с историей матрешки, которая немногим известна. Матрешка имела прототип в Японии и вовсе не так стара – всего лишь около 100 лет. У нее много

региональных вариантов, и среди них, бесспорно, является самым популярным великорусский вариант из Загорска.

Чехов ненавидел «Катариненбург» (название восходит к Екатерине I), видел в нем «азиатчину», начало Азии. В его время улицы не были замощены и отсутствовало, в отличие от Петербурга и Москвы, уличное освещение. В одном из подсобных помещений музея, как будто чего-то стесняясь, развешаны чудовищные произведения социалистического реализма.

Перед собором Александра Невского, в котором находится известный уральский музей, где можно полюбоваться, например, скелетом монтажа и огромного лося с фантастическими рогами, стоит танк Т-34, пушка которого уже больше не направлена в сторону церкви. Большинство екатеринбургских церквей были сровнены с землей в ходе атеистической кампании 20–30-х гг.

В ходе вечерней попойки с водкой Генрих как церемониймейстер вначале находится в отличной форме, но затем, ближе к полночи, совершенно измученный физическим и умственным напряжением своей руководящей работы, схлопывается, как складной нож. Он обычно открывает застолье словами: «От судьбы не уйдешь». Еще один обязательный русский тост гласит: «По 15 капель, об их размере не спорить». Вернувшись из Москвы после двухдневного отсутствия, он заявляет: «Все ваши трудности происходили от того, что здесь не было главного алкоголика». Я замечаю явные признаки ослабления моего физического состояния – возможно, это из-за водки.

Случайно я нахожу маленькую брошюрку о системе «полезных тренировок закаливанием» по методике П. К. Иванова, которая посвящена тем проблемам, которые случаются в России и местной среде обитания: в холоде, шокирующем охлаждении лежит корень всей энергии! Как неофит закалки, я хожу в доме по холодному кафелю босиком, уборщицы удивленно спрашивают, зачем я это делаю. И правильно спрашивают, потому что моя простуда, что пошла на убыль, снова разыгралась. Я полночи натужно кашлял.

Теперь кое-что стоит сказать о деньгах: мы можем позволить себе многое за смехотворные суммы в немецких марках и долларах. В прекрасном геологическом музее можно купить драгоценные камни, недоступные большинству местных жителей, но постыдно дешевые для нас, нормальных западных бургеров, по текущему обменному курсу. Многие магазины заметно пусты. Вид постоянно что-то ищущих и стоящих в очередях людей удручает. В Ратуше, построенной немецкими

военнопленными¹⁴, мы, усаженные за один из таких помпезных столов для совещаний, встречаемся с заместителем мэра. Он уверен, что нынешняя «засуха» будет преодолена. Существует высокий уровень безработицы из-за устаревшей структуры промышленности и прекращения производства военной техники. В годы Великой Отечественной войны с конвейера свердловского комбината «Уралмаш» сходил каждый третий танк¹⁵. Приватизация такого промышленного комплекса затруднена. А еще два года назад столица Урала была закрытым городом. Тем более сейчас нужно предпринимать значительные усилия для установления разнообразных отношений с внешним миром.

Вечером мы во дворце пионеров на фольклорном концерте. Генрих называет его «дом трезвости», потому что в перерывах не подают алкогольных напитков. Трогательная песня «Колокола» о воскресении Русской православной церкви берет за душу.

Рюдигер из Кельна хотел бы со мной совершить прогулку по городу, однако говорят, что, например, поездка на такси может быть очень опасна, за ним следует вторая машина и вас могут ограбить. А также говорят, что после распада СССР резко возросла преступность. В нашей группе есть два человека, которых одинаково зовут – Зиги. Один из них постоянно болтает («я разговариваю сам с собой, потому что я интересный собеседник»). Любит похабно шутить. Кто-то обнаруживает на потолке своей комнаты слово «Асбест», что придает нашему путешествию, сокращающему жизнь из-за радиационного облучения, дополнительный импульс.

В филармонии я слушаю камерный концерт с музыкой П. И. Чайковского и М. Бруха. На скрипке солирует звезда – двенадцатилетний вундеркинд. Красавица на альте улыбнулась мне. Прощание с нашим сопровождающим из Министерства образования превращается в безмерное употребление еды и выпивки. Генрих, как он говорит, «любит жизнь», и, прежде всего, он «патриот». Он поет русские народные песни

¹⁴ Это популярная городская легенда. На самом деле в 1910–1912 гг. на месте старых торговых рядов Екатеринбурга было построено здание Нового гостиничного двора. С 30-х гг. в нем располагался исполком Свердловского горсовета. В конце 40-х – начале 50-х гг. здание было реконструировано, надстроено до пяти этажей и добавлена башня, в этой реконструкции участвовали немецкие военнопленные.

¹⁵ «Уралмаш» никогда танки не выпускал. В годы войны он делал артиллерийские орудия и самоходно-артиллерийские установки. Танки выпускали «Уралтрансмаш», а также заводы Нижнего Тагила и Челябинска.

и пьет сегодня по «торжественному случаю» только армянский коньяк. Наконец он снова задремал за столом.

Сегодня, на шестой день нашего пребывания, мы отправляемся в путешествие по окрестностям. Недалеко от нашего жилья находится Мемориал жертвам сталинизма. В ходе дорожных работ было обнаружено массовое захоронение, в котором находилось оценочно около 30 тыс. погибших. На стволах стройных белоснежных березок прикреплены памятные таблички, посвященные некоторым из убитых – удручающее место памяти! На большом камне надпись: «Вам, так рано погибшим, видевшим трагедию страны, тем, кто воскрес в человеческих душах, наш низкий поклон». Деревянный крест с надписью «Вечная память жертвам сталинских репрессий» спилен сталинистами. И теперь он как оскверненный знак памяти стоит, прислоненный к памятному камню, и символизирует таким образом все еще трудное восприятие русским обществом своего собственного прошлого. Обязательная цель нашего путешествия – граница между Азией и Европой – в 40 километрах к западу от Екатеринбурга. Пограничный камень был установлен в 1837 г. на горе Березовая (413 метров над уровнем моря), в самой высокой точке старого тракта из Москвы в Сибирь, по которому должны были идти ссыльные, в частности, декабристы. Линия мраморных плит отделяет Европу от Азии, так что популярный фотомотив: можно стоять одной ногой в Европе, другой – в Азии. Или, если верить версии Генриха: «представители “молодой Азии” приезжают сюда, чтобы бросить взгляд на престарелую Европу». Когда кто-то из группы спрашивает, «куда идти сейчас», Генрих отвечает: «Всегда вперед! Вот железный закон коммунизма!», – хотя мы едем теперь назад на нашу спортивную базу.

Другой, не тот, что беспрерывно болтает, Зиги из Виттена сидит на камне у озера и курит. Только в России он чувствует себя по настоящему счастливым – язык, люди, выпивка: «Здесь все просто прекрасно!». Последнее время он так «облажался», его жена замкнулась в себе, дети доставляют проблемы. После этих доверительных слов он начинает плакать. Это должно остаться между нами.

11 октября, день рождения Фрей, гуляю по городу с Карлом, кто-то хочет продать нам орден Ленина за 100 долларов. Памятник Свердлову перед университетом облит красной краской: она на его куртке и ботинках обозначает кровь, которую проливал этот революционер.

В Клубе Горького по выходным проходят библейские курсы для детей и взрослых. Внушительных размеров памятник Ленину напротив

Ратуши поставлен на месте бывшего собора¹⁶. На рынке со множеством дешевых товаров я наконец приобретаю так необходимую мне меховую шапку. Позднее нас с Карлом приглашают к себе учительница Эльвира, Алла, ее муж Артемий и Яна, которые живут в одном из построенных немцами военнопленными домов на улице Свердлова, которые высоко ценятся здесь¹⁷. Артемий – «бизнесмен» и производит соответствующее впечатление. Он торгует оптом и со всем миром, будь то самолеты, дома или земля. Они вполне обеспечены, тем не менее, он говорит, что экономика рухнет и это хаос. В этой среде особенно ярко выражен страх перед растущей преступностью. Прежде чем открыть дверь, вас спросят, «кто там». В квартире Аллиной свекрови стоят уж девять телевизоров! Но там же и много книг. Она приглашает нас в русскую баню на своей даче.

В бывшем Музее комсомола прошлое теперь представлено в художественно-документальной манере. Первая комната с фотографиями расстрелянной царской семьи на черной деревянной стене вызывает угнетающе мрачное впечатление. Другие залы посвящены «фальшивому» пафосу, с помощью которого при социализме массам представлялись работа, война и культура. На одной сцене показана группа марширующих солдат в оригинальной униформе и с мертвенно-бледными гипсовыми лицами, которые высвечены ярким светом в остальном темном зале. Слышен странный отчужденный потусторонний плач, который сопровождается отдельными выстрелами и вызывает у посетителя мурашки по спине. Здесь господствуют страх, смерть и насилие.

Один экспонат состоит из обугленного исковерканного разбитого ржавого военного снаряжения и помятых и пробитых русских и немецких стальных касок так и никогда не упокоенных солдат. Вновь вернувшись в исходную точку, взгляд падает на панораму неба и земли, полностью лишённую природы и людей. Только маленькое крохотное пятнышко света мерцает в бесконечной дали сквозь зыбкое ничто.

Голубой – цвет мечты и любви. Ее длинное платье – голубого цвета. Ее веселый белокурый хвостик, символизирующий энергию юности и неукротимость, разительно контрастирует со спокойствием и профессиональной зрелостью ее впечатляющего вокала. Мы – гости консерватории. Директор жалуется на упадок музыкальной культуры из-за афроамериканского влияния. Одной женщине-доценту важно донести до гостей, что

¹⁶ Памятник Ленину стоит на месте бывшей площади, метрах в 30–40 от входа в разрушенный сейчас Богоявленский кафедральный собор.

¹⁷ Это также одна из городских легенд. Немецкие военнопленные участвовали в строительстве только некоторых из жилых домов на улице Свердлова.

Россия и Украина принадлежат друг другу, что это один язык, одна культура. Она возмущена, что Украина «теперь для нас, русских, заграница». Кстати, я не знал, что православная церковь издавна запрещала народную музыку и публично подвергала сожжению музыкальные инструменты. Даже сегодня музыкальные инструменты запрещены внутри церквей. Лекция о русско-немецких музыкальных связях убеждает нас в том, что Иоганн Себастьян Бах абсолютно необходим в русском музыкальном образовании. Когда прекрасное сопрано поет «Аве Мария», Гудрун из нашей группы начинает сильно плакать. Мы растроганы.

В школе № 88 нас радушно встречает коллектив коллег, где есть даже трое учителей-мужчин, а на письменном столе у директрисы стоит фотография Н. Крупской, жены Ленина. Я посещаю открытый урок истории о сталинизме 30–40-х гг. Речь идет о выдающихся репрессированных или критически настроенных людях (Г. Жуков, М. Зощенко, А. А. Ахматова и др.). В выступлениях учителей и школьников попеременно звучат стихи, проигрываются пластинки, читается рассказ Зощенко. Такая педагогика, очевидно, является типичной для стиля преподавания в русских школах. Один член нашей группы, зараженный идеями реформаторской педагогики, шепотом делает, как мне кажется, довольно неуместное сравнение: «хуже Чернобыля». В учительской нас поджидает огромный стол со всевозможными закусками, пивом и водкой. Русское гостеприимство просто зашкаливает! Каждый из нас получает на память календарь на 1993 г. и деревянную ложку.

Вечером я и несколько человек из нашей группы идем на оперу «Евгений Онегин», музыка П. И. Чайковского. Самозванные оперные эксперты среди нас говорят, что это было довольно обывательское представление. Мне все равно, что они говорят. Я и без того вовсе не фанат оперы.

Стало еще холоднее. Сегодня утром на моем окне расцвели ледяные цветы. Прежде я такое видел только в детстве. Я совершаю утреннюю прогулку по березовому лесу. Конечно, снег здесь не белее, чем у нас, но почему-то мне так кажется. Белоснежные стволы берез не создают перед глазами никакого цветового контраста. Там и тут блестят, как фонарики, на белом фоне ярко-красные пятнышки – ягоды рябины! Они – традиционный мотив русских сказок и песен; зал музыкального института был украшен ветками рябины в больших вазах.

14 октября. Сегодня у нас свободный день. Вооруженный пистолетом милиционер обменивает немецкие марки на гору рублей у входа в банк, который он должен охранять. «Вы ничего не сможете получить внутри», утверждает он. Как всегда, у Зиги наготове комментарий: «Деньги портят людей, но все хотят быть испорченными». Что-то

мне сегодня нехорошо, постоянное употребление водки и чрезмерное курение подточили мое здоровье. Сегодня я не прикоснусь к сигарете и буду пить только минеральную воду. Зиги пренебрежительно называет ее «моральной водой».

Важнейшим экспонатом недавно построенного музейного комплекса живописи и скульптуры является русский дом из кованого железа (Каслинский чугунный павильон), получивший высшую награду на Парижской всемирной выставке 1900 г., но сильно поврежденный на обратном пути в Россию и только в 1960-х гг. восстановленный в прежнем виде. В музее также хранится коллекция картин из петербургского Эрмитажа, перевезенная сюда во время Великой Отечественной войны. Это итальянские и голландские мастера XVI–XVIII вв.

Эльвира тащит меня и Карла из музея к своему мужу, который, как говорят, является «чудо-врачом» и хочет познакомить нас с секретами здоровой жизни за изрядную плату в 100 немецких марок с носа. Мы попадаем в совершенно сюрреалистическую обстановку. Юрий Александрович, худощавый, высокий мужчина средних лет, одет как врач: белый халат, белая шапочка и хирургическая маска. Причудливый персонаж, который выглядит так, будто только что вышел из кабинета ужасов доктора Мабузе¹⁸. На столе бутылка дербентского вина и четыре стакана, а также коричневая выпечка. В крошечной комнате царит полный хаос: полки вдоль стен битком забиты книгами, груды книг и бумаги валяются на полу. Белая немецкая овчарка с красными глазами лежит на оборванном диване и жует игрушечную косточку. Усаживаемся на два шатких стула перед «мастером». Он последователь еще более великого мастера Бутейко, который видит причину всех болезней в слишком глубоком дыхании. Это открытие замалчивается во всем мире, потому что иначе все медицинское сословие было бы обречено на безработицу, утверждает Юрий Александрович. В моем случае он диагностирует дыхание, превышающее желаемое в шесть раз, то есть я должен умерить свое дыхание в шесть раз, чтобы избавиться от всех болезней. В конце сеанса разливается упомянутый «Дербент», «мастер» выпивает свой полный стакан залпом на наших изумленных глазах, хотя до этого дал нам понять, что вообще не пьет. Все время не могу отделаться от ощущения, что попался на хорошо срежиссированное шарлатанство. Со своей женой и другом, партнерше которого он якобы спас жизнь после того, как все врачи уже отказались от нее, он сопровождает нас в своем

¹⁸ Доктор Мабузе – вымышленный литературный персонаж Ж. Норбера, доктор-психоаналитик, гениальный преступник, феноменальный гипнотизер и мастер перевоплощения.

ужасающем костюме с маской, болтающейся на груди, до автобусной остановки у памятника Ленину.

Студенты театрального института – начинающие актеры и актрисы – читают нам стихи. Завязывается дискуссия о пушкинском: «Что в имени тебе моем? / Оно умрет, как шум печальный / Волны, плеснувшей в берег дальний, / Как звук ночной в лесу глухом» (1830).

Совершаю короткий визит на исторический факультет Уральского университета. Что меня удивляет, здесь обо мне кое-что слышали. В «Музее книги» мне показывают старинные рукописи XV–XVII вв. Многие из них вышли из кругов старообрядцев, которые широко расселились на Урале и сейчас возрождаются. По хозяйственной активности и экономическому успеху их можно сравнить с западными кальвинистами. Их предприятия на Урале более эффективны, чем казенные заводы, основанные на крепостном труде.

Молодые историки на факультете хорошо образованы, но с явным цинизмом говорят о своей профессиональной социализации. В каком-то смысле они уже «испорчены», «советская эпоха сидит глубоко внутри них», говорит один из них. Ричард Пайпс с его «Россией при старом режиме» был для них своего рода гуру. Они тайком его фотокопировали. Живя в закрытом городе, они в некотором роде тоже стали жертвами московского образовательного централизма.

Вечером я иду с Ирмой и Евой в Дом офицеров, который внутри и снаружи источает ауру советской военной славы. Перед зданием с воинственным видом стоят танк Т-34, ракета и «сталинский орган» («Катюша»), внутри здания висят огромные картины на тему Великой Отечественной войны. Здесь кажется, что Советский Союз еще не перестал существовать. Тем более удивительно, что в этой вполне традиционной советской обстановке исполняется отличный авангардный джаз.

Наш путь идет на север через Невьянск в город Нижний Тагил. Во время Второй мировой войны большая часть танков была выпущена здесь. Все большие города на Урале выросли вокруг государственных металлургических заводов, и в них всегда есть пруды – по нашим средневропейским меркам больше похожие на озера, перегороженные плотинами для использования энергии воды. Лес на Урале не старый: в XVII–XVIII вв. он был почти полностью вырублен для получения древесного угля. Угольщики были одними из самых эксплуатируемых крепостных. Березовых лесов становится заметно меньше по мере продвижения на север. Наш хорошо образованный гид и прекрасный рассказчик Ольга описывает сосну как «красу леса», севернее преобладает ель. Она цитирует старинную русскую поговорку: «В сосновом лесу –

жениться, в березовом – веселиться, в еловом – с тоски удавиться». Еловый лес – темный, загадочный, опасный. Он до сих пор существует на крайнем севере Урала. Кстати, для многих девушек замужество часто было подобно смерти... Ольга цитирует старинную народную поговорку: «На свадьбу – как на смерть». Вокруг незабудки сложилась следующая легенда: двум пылким влюбленным пришлось расстаться, юноша уехал на чужбину, а девушка плакала горькими слезами, и из них выросли незабудки. Наш автобус ужасно воняет, каждые 20 км мы останавливаемся, чтобы подышать воздухом, а недалеко от дороги видим большого лося. Но мы также видим по маршруту много мертвых, без коры, деревьев: жутковатая картина и одновременно страшно, как лес убивают такие автобусы, как наш, и прочие промышленные убийцы природы. По словам Ольги, экологические проблемы хотя и осознаются, но устранить их непросто. В Нижнем Тагиле людям порой приходится ходить в масках.

Коренными жителями Урала были башкиры¹⁹. Первые русские, в основном старообрядцы, спасавшиеся от преследований официальной церкви, жили в сильно укрепленных поселениях (острогах). Металлургический завод в Невьянске, музей которого мы посещаем, был самым первым заводом на Урале. Он принадлежал Демидовым. Основатель этой промышленной династии был старообрядец родом из Тулы, он стал оружейником Петра Великого. Его наследник уже получил дворянство. Демидовы были владельцами более 200 металлургических заводов на Урале. Невьянская падающая башня, вторая в мире после Пизанской, сейчас реставрируется. Она стоит на месте бывшего завода Демидовых. Наклон она имела изначально. Башня использовалась для своевременного обнаружения врагов и была символом могущества владельца. Сейчас все вокруг производит впечатление разрухи, бесхозяйственности, хаоса. Из труб, соединяющих фабричные корпуса, капает горячая вода, из отверстий в земле поднимаются пары, а это значит, что вся подземная канализация неисправна.

У выезда из деревни недалеко от Невьянска находится храм св. Николая Чудотворца конца XVIII в. Он возвышается над поселением, состоящим в основном из деревянных домов. Так как этот храм за все советское время ни разу не закрывался и обслуживал огромную территорию, то он, соответственно, богато украшен внутри святыми образами, великолепными паникадилами и внушительным иконостасом. Трижды перекрестившись и поклонившись при входе, вы приуготовляетесь к встрече с Богом внутри церкви, которую оберегают и опекают две

¹⁹ Башкиры – коренные жители Южного Урала. На Среднем Урале коренным населением были манси (вогулы).

старушки. Так как богослужения теперь проходят и в других местах, верующих приходит меньше, что чувствуют и старые опекуны храма, так как пожертвований на так называемый канунник²⁰, который оставляют просители о заступничестве, становится все меньше и меньше.

При въезде в город Нижний Тагил мы видим на горизонте огромные трубы, уходящие в небо, громадные фабричные здания устремлены ввысь, все грязно-коричневое, черное и мрачное, огонь и пар. На переднем плане огромное множество традиционных русских деревянных домов, которых в Екатеринбурге остались единицы, а вперемешку с ними уродливые жилые казармы в стиле советского монументализма. Однако местный Ленин крошечный по сравнению с екатеринбургским и в своей театральной позе кажется особенно гротескным. Музей, расположенный в бывшей резиденции Демидовых, в советское время служил для демонстрации процесса эксплуатации рабочих правящим классом: «богатые» и «плохие» были синонимами, говорит Ольга, но теперь уделяется больше внимания достижениям заводчиков и значению их предприятий для общего экономического развития России. Перед музеем находится модель первого русского паровоза, построенного здесь в 1834 г. крепостным Черепановым. Когда вечером выезжаем из города, на улицах почти нет людей.

Наш автобус с трудом пробирается домой по уральскому тракту, и мы уже опасаемся заночевать в темном лесу и быть съеденными медведями и волками. Поздно вечерам на «Базе», как всегда, разговоры и выпивка. Водка считается русскими лучшим средством от всех болезней, особенно от простуды. Вот почему мужчины умирают так рано: потому что они так часто принимают это лекарство – конечно, в профилактических целях!

Воскресенье. Из запланированного посещения бани у свежескрови Аллы ничего не выходит. Поэтому мы с Карлом встречаемся с учительницей немецкого языка Эльвирой и ее знакомым Юрием, инженером-компьютерщиком. Сначала заезжаем в лес и ходим босиком по снегу. После этого Юрий приносит питьевую воду из родника в селе Решеты: вода из-под крана не годится для питья. Жена Юрия Виктория, нежное существо с живыми карими глазами, – это та, кого чудом излечил от астмы Юрий Александрович. И Юрий, и Виктория не видят в политических потрясениях и переменах после распада Советского Союза ничего особенно хорошего, материальные трудности возросли. В их ухоженной квартире нас ждет богато накрытый стол. Морковно-

²⁰ Канунник – панихидный столик, куда прихожане кладут продукты для поминовения усопших.

капустный салат со сметаной, грибной суп и пироги, а также чай с выпечкой и вареньем в сопровождении вина, коньяка и водки. Потом едем на второй «сеанс» к Юрию Александровичу, который, в свою очередь, встречает нас в своей причудливой врачебной форме и при этом ходит в носках. Когда он начинает говорить о том, что за его «чрезвычайно ценные» услуги был бы уместен гонорар в 500 немецких марок, дело быстро доходит до скандала. Якобы перед соревнованиями он лечил от простуды чемпиона мира по шахматам Карпова и исцелял людей, больных СПИДом. Скинхеды и хулиганы дышат слишком глубоко, их агрессия – бессознательное стремление уменьшить дыхание. Все спортсмены больны! Спорт вреден для здоровья. Явно вспыльчивый Карл (с ним у меня незадолго до этого был сильный политический спор: он против «смещения рас» в Германии и «работающих женщин»!) не выдерживает, вдруг вскакивает и выбегает прочь. Я слишком слаб повторить то, что я считаю чрезмерно провокационным актом неудовольствия, остаюсь и покорно плачу сто марок.

19 октября. У меня сильное похмелье из-за того, что вчера пил пиво и водку. Фантастический рассвет ложится розовым мерцанием на бескрайний простор зимнего пейзажа. Вдали глубокая синева лесистых холмов Урала, испещренная ключьями тумана. Женщины жалуются на двух мужчин из группы, которые «отпускают глупые шутки» в адрес наших русских сопровождающих женщин. У меня неблагодарная роль посредника, и эти двое обзывают меня «наполовину женщиной». Атмосфера в группе напряженная.

Во второй половине дня я иду в университет. Николай Баранов уже ждет меня. Он симпатичен, относительно хорошо говорит по-немецки и занимается, в том числе, историей Германии XIX в. Он дарит мне книгу и емкость из бересты. Пьем чай из самовара. Николай высказывает опасение перед возможным военным переворотом, но все еще не предпринято. Он приглашает меня к себе домой.

Виталий, директор школы № 37, бывший каратист, мастер спорта, добрый, приятный человек с прокуренным голосом. В 1962 г. в звании майора он провел три месяца на Кубе. Как только мы зашли, он снова начал пить водку. Он очень счастлив, когда я говорю ему, как комфортно мы все чувствовали себя здесь и как были поражены заботой и гостеприимством. Он тоже опасается радикализации армии, что усугубляется возвращением из бывших дружественных стран Восточного блока большого числа военных, которые теперь плохо обеспечены. В частности, с нашей стороны также должна быть оказана помощь семьям молодых военнослужащих.

Ида рассказывает, что гадалка предсказала убийство Ельцина в 1996 г.

Молодая, дружелюбная и проявляющая живой интерес Катя, случайно встреченная на улице, жертвует часом, чтобы проводить нас с Карлом к нужному автобусу, и на наш вопрос о бесцеремонном отношении местных водителей к пешеходам она говорит: «Некоторые скажут: это не мы такие, это жизнь такая». Ипохондрик Карл, всегда такой закрытый, как чеховский «человек в футляре», хотел подарить ей в качестве благодарности пачку никчемных рублевых банкнот, что мне – и ей тоже – показалось неловко.

После очередного сеанса с Юрием Александровичем его 18-летний сын, хорошо говорящий по-немецки, отвозит меня на автобусную остановку. Там на холодной земле лежит совершенно пьяный мужчина с расстегнутыми штанами, никому до него нет дела. Андрей признается, насколько ему примелькались такие сцены. Его друг был забит до смерти, когда с него пытались снять куртку. Общество невероятно жестоко, мы сталкиваемся с этим снова и снова. Возможно, в этом выражается тоска по «сильной руке». Так как автобус не едет, мы останавливаем машину. У водителя морщинистое лицо, сплюснутый нос, как у боксера. Он осыпает меня громким потоком слов о дерьмовых условиях в его стране. Он мечтает о возвращении царя, говорит о том, что коммунисты все испортили. Он едет темными улицами, которых я не знаю, но я быстро убеждаюсь, что он абсолютно честный человек, который только дает выход своему разочарованию и горю. Когда я протягиваю ему пятидолларовую купюру вместо оговоренных 200 рублей, его помятое лицо сияет.

Вчера была лекция по русскому и советскому этикету. Старые книги о поведении теперь снова популярны. Советские манеры воспринимаются как грубые и неотесанные. В лекции упоминалось, что до того, как западная культура вежливости проникла в Россию, люди в этом отношении были «азиатами». С возобновлением дореволюционного русского этикета возвращаются и старые ценности. По традиционной модели поведения русская женщина сдержана и разбирается в музыке, литературе и живописи. Когда она садилась, то опускала глаза и только потом осматривалась. Мужчины не делали друг другу комплиментов. Говорили без страсти, умеренным тоном, почти не жестикулируя. Об одежде и деньгах не говорили, это считалось неприличным. Не говорили о неприятных вещах и проблемах в собственной семье. Ссоры «на кухне», характерные для советского времени, были делом мужским.

22 октября. Утренний вид из окна на завораживающий зимний пейзаж вызывает желание выехать на природу. У нас выходной. Я отправился с Евой из родного города Фридриха Энгельса Вупперталя на прогулку по лесу, реке и болоту к озеру, которая грозит затянуться. Но вокруг так красиво! Ева активно участвует в партийной политике, а также является одним из инициаторов нашей поездки. Между прочим, я взял на себя обязательство произнести речь в знак благодарности на официальной церемонии прощания в субботу.

Историки пригласили меня на вечеринку на квартиру Николая Баранова. Там также присутствует старый коммунист, который сейчас торгует, но делает цены настолько высокими, что побуждает людей сопротивляться нынешнему режиму, в чем и состоит его намерение. Присутствие западного историка – это нечто особенное, как признался мне Николай. Все научные контакты с Западом до сих пор шли через Москву. На ум приходит изречение Генриха, которое он повторял несколько раз и которое символически характеризует неравные отношения между центром и провинцией в советское время: «Садитесь, пожалуйста, посередине, там еда самая вкусная!». Стол еще пуст, когда я вхожу в квартиру, ни сервировки, ни чего-либо еще. Ситуация резко меняется, когда приходят гости с бутылками и знаменитыми закусками, включая бутерброды с икрой. Когда после посещения оперы я сказал, что опера мне не по душе, Зиги заметил: «Все знают, что селедка вкуснее икры, но никто так не говорит!». В тот вечер я ем икру и селедку! Произносятся тосты, читаются стихи, поются песни, в том числе песни с издевками над Лениным и Сталиным. Катя, доктор исторических наук, которая когда-то лично встречалась с лидером немецких коммунистов Миссом, поет своим необыкновенным голосом под гитару. Она даже публично выступала. Люди курят на кухне и, как положено, «дерутся». Там мне объясняют застольную игру «идет тигр». Тот, кто упадет первым, получит деньги, которые пропитые водкой герои поставили в качестве ставки на середину стола. Дима Редин ловко подводит свой стакан, стоящий на локте, ко рту и опустошает его, другой гость делает то же самое, перекачивая стакан от щеки ко рту тыльной стороной ладони. Позже передо мной как почетным гостем ставится огромная суповая кастрюля, и все остальные едят то же самое из тарелок: это «мясо из горшка». Елена, жена Димы Редина, неотрывно смотрела на меня до тех пор, пока, наконец, не заговорила со мной по-немецки. Она гордится своими предками – немцами Поволжья. Она пьет со мной «на брудершафт». Она поясняет, что в архиве есть имена и данные всех местных немецких военнопленных, но они еще не обнародованы. Позже она

настаивает, чтобы я спал здесь, на «Базу» меня не отпускают, слишком опасно в это время ночи. Николай провожает меня утром до такси, водитель требует шесть долларов. Николай в шоке от этого. Когда я тактично – так как подозреваю, что это оскорбляет его гостеприимство – хочу подsunуть ему десятидолларовую купюру, он смущенно отклоняет ее, но добавляет, что понимает меня.

Эпилог

В сентябре 1993 г. к нам приехал Виталий. Он приехал в Вупперталь во главе делегации екатеринбургских педагогов с ответным визитом и воспользовался случаем, чтобы захватить в наш тихий Бокхорст. Мы поехали на велосипеде – эксцентричное транспортное средство для моего русского гостя и городского жителя! – в деревенский трактир, где мы стратегически разместились за столиком для завсегдатаев рядом с баром с видом на остальных пьющих посетителей. Когда в трактире быстро разнесся слух, что бывший советский майор, которого в течение вечера под градусом повысили до генеральского чина, своим присутствием оказывает честь нашей вечеринке, угощениям высокопоставленному гостю в виде пива и шнапса не было конца. Завороженный, Виталий наблюдал, как трактирщик Ганс цедит пиво, и тихо шепнул мне на ухо: «Этот человек любит свою работу». Когда же он узнал, что Ганс только следует принятому в Германии стандарту шестиминутного нацеживания пива, с чем он в России не сталкивался, его восторг по поводу беспрерывно подносимых ему бокалов пива с фантастическим снежными шапками, перерос в полное благоговение. Сильно подвыпившие, мы попытались сесть на велосипеды глубокой ночью, что быстро закончилось для Виталия падением через двадцать метров в кювет, которое оставило на его лице царапины и следы крови, о чем он должен будет дать разъяснения своему женскому окружению в Вуппертале. За завтраком он эйфорически заявил: «Вечер на вечность!».

Молодые коллеги по екатеринбургскому историческому факультету Уральского университета в свое время явно приглянулись мне, а я им. Так остается и по сей день. Мы стали друзьями и вне науки. В 1997 г. мы – Сергей Горшков, Анатолий Шашков, Дмитрий Редин, Дмитрий Бугров, Николай Баранов и я – обедали в кабинке кавказского ресторана под живую кавказскую музыку и пили сладкое грузинское вино с девизом «Чай – не водка, много не выпьешь». Мы решили в ближайшее время организовать конференцию «Немецко-русские связи на Урале и в Сибири в XVIII–XX вв.», которая фактически состоялась в сентябре 1999 г. под председательством Николая Баранова и Дмитрия

Бугрова, а Дмитрий Редин своим звучным голосом вел праздничный банкет для многочисленных участников конференции как талантливый конферансье. Николай и Дмитрий Бугров навестили меня в 2001 г. в гумбольдтовском университете в Берлине и в нашей деревне Бокхорст, где они украсили ежегодный бал деревенских спортсменов своим присутствием в образе арабских шейхов, переодетых моей женой Фреей. Николай, российский специалист по истории Германии XIX – начала XX в., явно вдохновленный вестфальской деревенской жизнью, еще трижды приезжал к нам в связи со своими архивными исследованиями в Германии (в октябре 2011 г. с Вероникой Высоковой). Очень тесные контакты по электронной почте между мной и Димой Рединым, а также Сашей Козловым, которым я обязан переводом ряда моих работ на русский язык, сохранились до сих пор. Но и многие другие екатеринбургские коллеги (А. В. Черноухов, В. А. Бабинцев, Л. С. Соболева, С. В. Горшков, В. А. Аракчеев, А. Келлер, В. А. Ляпин, Ю. А. Русина, В. Н. Земцов, В. Байдин, А. В. Перцев, Ю. В. Запарий, Е. В. Вершинин, Л. Котова, К. Д. Бугров, С. Василенко, Т. Краева, А. Комиссаренко из Москвы и др.) прочно врезались в мою память. В апреле 2015 г. я в седьмой раз – после 1992, 1997, 1999, 2008, 2010 и 2014 гг. – принял их приглашение на конференцию, посвященную 70-летию победы над гитлеровской Германией. В первый вечер мы – Николай, Вероника, Дима Редин, Саша Козлов, В. Бабинцев и В. Аракчеев – идем в закусочную и празднуем воссоединение. Я тотчас чувствую себя здесь среди лучших друзей!

На обратном пути поздней ночью случайно встречаем молодого, красивого, популярного и политически независимого мэра города Евгения Ройзмана, который тоже учился на историческом факультете Уральского университета. Он в спортивном костюме и в сопровождении женщины. Мои подвыпившие и радостно удивленные коллеги представляют меня ему. Николай написал мне тремя неделями раньше: историки не хотят, чтобы запланированная политуправлением конференция выродилась в чистое «ура-патриотическое» мероприятие. С точки зрения побежденных я прочитал лекцию «8/9 мая и длинная тень войны», один раз на открытии конференции и еще раз на следующий день в университете перед студентами и профессорами. Реакция была в подавляющем большинстве случаев положительной, хотя мрачные тона потомка проигравших войну, возможно, произвели на некоторых негативное или, по крайней мере, тревожное впечатление. После лекции в пленарном зале ко мне с улыбкой подошли две пожилые дамы – преподаватели, одна из них рассказала мне, что ее подруга во время

моей лекции написала стихотворение, в котором воспроизведена сцена, которую я вспомнил в начале моего выступления о моем самом первом детском воспоминании, когда весной 1945 г. русский солдат взял меня на руки. Как ни странно, этот «поэтический» жест меня глубоко тронул, и я до сих пор жалею, что не спросил у них адреса. В последний вечер моего пребывания Николай и Вероника забрали меня на джазовый концерт группы «Изумруд», которая создает замечательную музыку на традиционных русских инструментах. Во время песни «Темная ночь» Николай встает и громко подпевает, а Вероника растрогана до слез. Эта сцена и песня в конце моего визита навеяли печаль и всколыхнули память о «длинных тенях войны».

Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.). Материалы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия (XVI–XX вв.)». Екатеринбург, 1999.

Riß H. Adel und Adelsoppositionen im Moskauer Staat (14. – 16. Jh.). Wiesbaden, 1975.

Riß H. Das Reich von Kiev // Handbuch der Geschichte Russlands Bd. 1. Stuttgart, 1981. S. 199–430.

Riß H. Herren und Diener. Die politische und soziale Mentalität des russischen Adels. 9. – 17. Jahrhundert (= Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd. 17). Köln, Weimar, 1994.

Рюсс Гартмут

Dr. Hab. (History), профессор кафедры
восточноевропейской истории
Мюнстерский университет
48143, Deutschland, Münster, Domplatz
20–22
E-mail: ruessbockhorst@t-online.de

Riß, Hartmut

Dr. Hab. (History), Professor, Department of East European History
University of Münster
20–22, Domplatz, 48143 Münster Germany
E-mail: ruessbockhorst@t-online.de

Ekaterinburg of 1992 in the Eyes of a German (Diary Entries)

The article presents the diary entries by professor of University of Munster, who has visited Ekaterinburg seven times during the 1990s as part of scientific and cultural events. He describes impressions that the city, the Ural nature and, of course, the locals made on him. During his visits, he managed to establish strong scientific and friendly ties with colleagues from Ural State University, first of all, with Nikolay Baranov.

Keywords: memoirs, Ekaterinburg, Urals, Russian and German relations, Ural State University